
□ Хирург на позициях, в боевой, фронтовой обстановке!.. Перед мысленным взором встает врач под защитным крестом. Он на поле сражения, в полевом лазарете, в палатке у линии боя. Алый перекрест, точно броня, ограждает его. И друзья, и враги воздают ему уважение... В памяти возникает картина из далекого прошлого... Раннее утро. Над Ватерлоо лежит еще туман. С холма Сан Жен генералиссимус Веллингтон оглядывает лагерь противника. Из мглы выступает армия Наполеона. Грохочут английские пушки, рвутся ядра. От французских позиций отделяется повозка. Рядом идет пожилой человек. Он уверенным шагом направляется в зону обстрела, оказывает раненым помощь. «Кто этот смельчак?» - спрашивает Веллингтон офицера. «Это главный хирург Наполеона - Ларрей». Генералиссимус приказывает отвести в сторону огонь, снимает шляпу и, взволнованный, склоняет голову. «Кому вы кланяетесь?» - спрашивает его герцог Кембриджский. «Я преклоняюсь перед честью и мужеством», - отвечает ему Веллингтон.

□ Александр Александрович Вишневский не увидел на фронте флага красного креста; алый перекрест давно стал мишенью для самолетов врага. Госпиталь не высился уже на косогоре. В котловане на носилках лежали больные, замаскированная палатка укрывала их от пуль и снарядов.

□ ...Отец хирурга - известный ученый, провожая сына, сказал ему:

□ - Без малого сто лет назад Пирогов подарил родине эфирный наркоз. Мы даем ей не менее счастливое средство - анестезию. От твоих стараний зависит успех важного дела.

□ Бригада Вишневского разместилась по звеньям длинной цепи от дивизионного пункта у линии боев до стационарного госпиталя в армейском тылу. Одни оказывали первую помощь бойцам, а другие поверяли уже результаты. Вместе с ранеными из первичного пункта прибывала записка: «Больного показать хирургу Вишневскому». Так контролировалось действие анестезии и прославленной в московских клиниках бальзамной повязки из можжевельного дегтя. Работа шла жарко, бригада себя не щадила. Бригадир сновал по фронту от первых линий окопов до тыловых госпиталей. Санитарная стратегия непрерывно уводила его раненых в тыл, лишала хирурга наблюдений. Кто ему скажет, что стало с больным, как сказалась система лечения? Он не мог оставаться спокойным и из часов, отпущенных для сна, выкраивал время, чтобы выискивать по тылу своих прежних больных.

□ Первые дни в операционных подразделениях хирурги работали каждый по

своему. Оперировали под хлороформом, эфиром, хлорэтилом и гексоналом. Проходило некоторое время, и молодой хирург побеждал – верх брала анестезия – метод, разработанный его отцом.

□ Это было удивительное средство. Вместо общего наркоза с его влиянием на дыхательные пути и на сердечную мышцу операция производилась средствами местного обезболивания. Операции проходили без жалоб и криков, воспалительные процессы исчезали, самочувствие больного неизменно оставалось прекрасным. Затем на помощь являлась мазевая повязка. Вначале мазь обезболивала раневую поверхность, страдания больного угасали. Вслед за тем начинался бурный рост соединительной ткани. Рана заживала в неслыханно короткое время. Так стремительно шел процесс гранулирования – обрастание раны заживающей тканью, что нервы не успевали за ними расти и пораженное место долго оставалось нечувствительным к болям. Больные с открытыми переломами голени и предплечья в короткое время излечивались. Из сорока больных с огнестрельным переломом конечности никто не погиб и только один перенес ампутацию. Это было подлинное торжество сберегательного метода лечения.

□ Разрешалось вековое затруднение хирургии. Начиная с Гюи де Шолиака, жившего в четырнадцатом веке, и до сего дня известно, что частая смена повязки травмирует рану. Врачи это знали, но иначе не могли поступить. Дезинфицирующие растворы оставались испытанием для раненых и для врача. Жидкость быстро высыхала и теряла свое антисептическое свойство. «В наше время, - писал Пирогов, - хирурги убедились, что рана лучше защищается от внешнего раздражения и заживает скорей, чем реже она перевязывается». «Я оставил однажды повязки на ранах на восемь дней, - признался друзьям Пирогов, - но вонь стала невыносимой. Раны я нашел нечистыми и раздраженными. У всех почти больных развилась лихорадка и усилились боли...»

□ Гений русской полевой хирургии стал втупик перед этой проблемой.

□ Повязка же Вишневого могла оставаться без смены до десяти дней и больше. Она не гнивала и не утрачивала своих лечебных свойств. В условиях эвакуации, когда поврежденные конечности фиксированы в шинах, и смена повязки грозит смещением раздробленной кости, трудно переоценить значение этого средства.

□ ***

□ О хирурге-профессоре, худом и подвижном шла молва от передовых пунктов до госпиталей глубокого тыла. Художник армейской газеты нарисовал его с гранатой за поясом, с винтовкой за спиной и с гигантским шприцем в правой руке. Его видели всюду, на лыжах или без них, реже в автомобиле, ныряющим по ухабам разбитой дороги. Он носился по частям, разыскивая медико-санитарные отряды, под грохот артиллерии он проверял работу санитарных инструкторов, руководящих уборкой раненых с поля сражения.

□ - От ваших стараний, - горячо убеждал их хирург, - зависит жизнь бойца. Малейшее промедление, плохо сделанная вами перевязка, - ошибки, которые десять хирургов исправить не смогут...

□ Сейчас война занесла его в оставленную белофиннами деревню. В пламени дыму догорают последние избы. На снежной равнине мрачно высятся остовы домов и задымленные кирпичные печи. Надо раненых укрыть от лютого мороза, найти убежище для них. У некоторых сквозь перевязку просочилась кровь, кой-кому нужна скорей операция.

□ Час спустя он уже обследует раненых бойцов. Уцелевшую конюшню на окраине села приспособили под пункт первой помощи. Пол застелили фанерой, вымытые стены увешали простынями. Железная печка обогревает помещение, автомобильные фары его освещают. Растопленный снег, пропущенный сквозь вату, дает хирургам дистиллированную воду, они разводят в ней новокаин и приступают к работе. На этот раз новоселье прошло хорошо, бывают случаи не совсем удачные... Недавно, как и сейчас, он вошел с частями в оставленную деревню. Несколько домиков, пощаженных врагом, были заняты под стационар. Рано утром белофинны, пустив в ход минометы, взяли госпиталь под огневой обстрел. Вражеские пули били по раненым...

□ У хирурга-руководителя много дел. В одном пункте не хватало можжевелевого дегтя, в другом - недостаточный свет. Семилинейная лампа - слабое освещение для операции. Как выйти из затруднений? Вишневский где-то видел врачей, оперирующих с рефлектором на лбу; при помощи такого рефлектора обычно обследуют горло и нос. Почему же не использовать этот рефлектор здесь, в фронтовой обстановке. И вот, санитар передвигает с места на место лампу, а врач движением головы направляет пучок света в рану. На фронте нет монополий на изобретение, и хирург-организатор сообщает о нем всем, кто страдает от тирании керосиновой лампы. Что касается дегтя, то опыт давно подсказал, что его можно заменить скипидаром...

□ Новый метод лечения ран глубоко популярен. Раненый, испытавший действие бальзамной повязки, везде уже требовал ее. Среди красноармейцев можно было услышать:

□ - Тебя как, по Вишневскому лечат?

□ Они прекрасно осведомлены о «безбольной операции», «мазевой перевязке», о «методе». О нем пишут в письмах, предупреждают друзей: «Требуйте метода».

□ «Здравствуйте, дорогой профессор, товарищ Вишневский, - писал один из раненых, - здравствуй, боевой наш друг. Сколько бойцов и командиров ты спас. Ты спас и мою жизнь Ты вскрыл мне живот и вынул пулю, и через два месяца я снова в строю.

□ ...Вы наверно забыли меня. Я - командир взвода из батальона, участвовавшего на ребовловском направлении. Меня принесли, когда вы уже кончили работу. Но слова, которые вы тогда произнесли, я никогда не забуду. Вы сказали: «Ну, давай, я люблю работать, когда чувствую себя усталым». Эти слова ваши не простые, и большое вам спасибо за них...».

□ Письмо это прибыло по следующему адресу: «Москва, профессору хирургу Вишневскому. Товарищи работники Наркомсвязи, прошу вручить».

□ ***

□ Когда сын был на фронте, отец написал ему письмо. В нем говорилось, что дома все обстоит хорошо, все здоровы и скучают по нем. «У тебя родился сын, - заканчивалось письмо, - из которого, я полагаю, мы также сделаем хирурга...».

□ «Хорошо бы, - дописала мать, - пусть хирурга, только не похожего на вас - беспокойных...».

□ Нет, именно такого - беспокойного!..

□ Александр Поповский.

□ Статья переведена в текст волонтером Н.А. Шейченко